

туры отмечают специфическую пространственную организацию произведений новой военной прозы: «Это ощущение игры на чужом поле, это подавляющий образ чужого пространства, которое уже само по себе, помимо местных людей, воюет против русского солдата» [4, с.156].

Таким образом, русская и белорусская военная повесть во второй половине XX века прошла определенный путь развития, основными этапами которого стали переход от героико-романтической советской повести 1940-х – 1950-х годов к лирико-психологической повести 1960-х; углубление экзистенциальной проблематики военной повести в 1970-е годы; усиление эпического начала (что позволило заговорить о романизации повести) в 1980-е; смена доминантной коллизии и трансформация хронотопов военной повести 1990-х – 2000-х годов.

Литература

1. Горбачев, А.Ю. Тема Великой Отечественной войны в советской «военной прозе» / А.Ю. Горбачев // Русский язык и литература. Серия «У дапамогу педагогу». – 2009. – № 7. – С. 40–49.
2. Лейдерман, Н.Л. Движение времени и законы жанра : жанровые закономерности развития советской прозы в 60–70-е гг. / Н.Л. Лейдерман. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. – 254 с.
3. Навумовіч, У.А. Эвалюцыя беларускай аповесці XX стагоддзя / У.А. Навумовіч // Весті Нацыянальнай Акадэміі Навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2008. – № 3. – С. 95–104.
4. Пустовая, В. Человек с ружьем: смертник, бунтарь, писатель : О молодой «военной» прозе: [Захар Прилепин «Патологии»; Аркадий Бабченко «Алхан-Юрт»; Денис Гуцко «Там, при реках Вавилона»; Александр Карасев «Запах сигареты», «Капитан Корнеев», «Своя позиция»] / В. Пустовая // Новый мир. – 2005. – № 5. – С. 151–172.

E.V. Kriklivets

Vitebsk State University named after P.M. Masherov
e-mail: kriklivec@mail.ru

Russian and Belarusian military story of the second half of the twentieth century: the genre modification and especially the representation of the hero

Key words: Russian literature, Belarusian literature, military prose, genre modification of the story, the representation of the hero.

The article describes the causes and specifics of genre modifications of Russian and Belarusian military story in the second half of the twentieth century; reveals the aesthetic and national characteristics of the representation of the hero in a variety of genre-species variants military story.

А.А.Кудряшова

Институт педагогики и психологии образования
Московский городской педагогический университет
e-mail: alekshvan@yandex.ru

УДК 82-3

СТИЛЕВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ АРХЕТИПОВ ДОМА И РОДА В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА И М. ГОРЬКОГО

Ключевые слова: автобиографическая проза, архетип, дом, род, стиль.

Статья посвящена анализу стиля М.Е. Салтыкова-Щедрина и М. Горького. В автобиографической прозе архетипы дома и рода традиционно носят устойчивый характер и характеризуются возвышенной поэтизацией. В «Пошехонской старине» и повести «Детство» традиционные архетипы получают особое стилевое решение.

Актуальность изучения двух универсальных архетипов дома и рода в русской автобиографической прозе не вызывает сомнения. В теории литературы и, шире, историко-культурной памяти желание запечатлеть и выразить жизненный путь человека определяет древность биографического и автобиографического жанров. Аксиологический вектор жизненного самопознания выявляет универсальный характер архетипов дома и рода, которые воплощают первичные формы, связанные с началом самосознания себя как личности. Традиционная для аналитической психологии трактовка архетипа К.Г. Юнга в теории автобиографической прозы рассматривается с точки зрения ключевого значения в формировании творческой личности, где детские впечатления дома и рода становятся истоком мироощущения и стиля будущих русских писателей.

Новизна заключается в исследовании базовых архетипов дома и рода, которые не только характеризуются сюжетно-композиционной устойчивостью в автобиографическом повествовании, но раскрывают особое стилевое сближение двух писателей. Наряду с возвышенной коннотацией архетипов Дома и Рода в теории русской автобиографической прозы [3] принято выделять стиле-

вое своеобразие М.Е. Салтыкова-Щедрина и М. Горького, где данные архетипы художественно ярко драматизируют и обостряют формирование личности писателей.

Предметом анализа является стилевое воплощение дома и рода в автобиографической прозе М.Е. Салтыков-Щедрина «Пошехонская старина», 1887 и М. Горького «Детство», 1913.

Под стилем мы понимаем определение Ю.И. Минералова. Продолжая классическую традицию В. Гумбольдта, А.А. Потебни, П.Н. Сакулина, он пишет, что «между полярными феноменами «индивидуальный стиль» и «стиль эпохи» располагается ряд промежуточных звеньев (вроде стиля литературной школы), <...> художественное слово не просто называет, а непременно изображает предметы и явления, идеи и отношения, причем то, что у всякого художника для общей всем идеи рождается особый образ, <...> обуславливает возможность функционирования в словесном искусстве «вечных тем», «вечных героев» и т.п., а как итог — возможность сосуществования множества различных художников, каждому из которых присуща своя особая позиция в образном мировидении» [4, с.17].

Аксиология воспевания рода как истока и начала самосознания личности берет начало в римских биографиях. Согласно М.М. Бахтину, континуальность времени семейно-родового самосознания объединяет прошлое, настоящее и будущее. Подобную возвышенную семантику в русском фольклоре транслируют пословицы и поговорки: «Мой дом – моя крепость», «Человек без семьи что дерево без плодов», «Без роду хоть с моста в воду» и мн. др. Мифопоэтика дома связана и со сказочным двоением свой/чужой, где ценностные ориентиры дома заключаются в безопасности «своего», «родного» пространства. Позже в православной традиции дом получает расширительное толкование домостроительства и, шире, жизнестроительства. Одна из главных книг «Домострой» учила человека жить согласно христианским канонам.

Рассмотрим архетип рода в «Пошехонской старине» М.Е. Салтыкова-Щедрина. Первое предложение «Я, Никанор Затрапезный, принадлежу к старинному пошехонскому дворянскому роду» выражает фамильную гордость, однако в дальнейшем точка зрения переключается, опровергая первичный посыл автора-повествователя. Ироническое отношение автора реализуется через семейную историю о несбывшемся расчете на выгодный брак, когда сорокалетний дворянин берет в жены пятнадцатилетнюю купеческую дочь «в чайнии получить за нею богатое приданое». Расчет не оправдался: «по купеческому обыкновению, его обманули». Таким образом, нарушение христианской нормы отношения к браку, который «надо считать не торговлею, а союзом жизни» [1, с.11] инициирует *гротесковое создание* образа семейства Затрапезных в «Пошехонской старине».

Отметим, что эпизод имеет отношение к реальным биографическим фактам женитьбы отца. По свидетельству врача семейства Салтыковых Н.А. Белоголового, «отец был столбовой помещик, женившийся на купчихе; от брака этого родилось пять сыновей и три сестры. Семья была дикая и нравная, отношения между членами ее отличались какой-то зверской жестокостью, чуждых всяких теплых родственных сторон» [5, с.20]. В самосознании автора внутрисемейный конфликт приобретает ключевое значение и художественно воплощается в «Пошехонской старине»: «Отец по тогдашнему времени, порядочно образован; мать круглая невежда; отец вовсе не имел практического смысла и любил разводить на бобах; мать, напротив того, необыкновенно цепко хваталась за деловую сторону жизни, никогда вслух не загадывала и действовала молча и наверняка...» [6, с.50]. Обогащение и практическая хватка, так оценивает Салтыков-Щедрин, главные ценности семьи. Отсутствие этих качеств в характере отца и такое яркозаостренное проявление в характере матери, обуславливает полное перераспределение ролей в семье и формирует следующие детско-родительские отношения: безотчетный страх перед матерью и полное безучастие к отцу, «который не только кому-нибудь из нас, но даже себе никакой защиты дать не мог» [6, с.55]. Нарушение традиционных отношений в семье продолжается и в детско-родительских отношениях, чувстве «родительского равнодушия <...> Мы только по имени были детьми наших родителей, и сердца наши оставались вполне равнодушными ко всему, что касалось их взаимных отношений» [6, с.55]. Распря продолжается и в детях: мать разделяет их на любимых и постылых, и это разделение «не остановилось на рубеже детства, но прошло впоследствии через всю жизнь и отразилось в очень существенных несправедливостях» [6, с.53]. Автобиографический факт разделения наследства в семье Салтыковых отражен в романе «Господа Головлевы», где прототипами Арины Петровны и Иудушки становятся мать писателя и брат Дмитрий.

Так, архетип рода выражает гротеск-аномалию, который противоречит естественным семейно-родовым отношениям и становится доминантным в автобиографическом стиле М.Е. Салтыкова-Щедрина: «Вообще говоря, несмотря на многочисленность родни, представление о действительно родственных отношениях было совершенно чуждо моему детству».

В автобиографической прозе М. Горького архетип рода также обусловлен семейной распрей: «Эко неумное племя», «окаянные, дикое племя» – точка зрения бабушки, «Братья, а! Родная кровь! Эх вы и...» – точка зрения деда [2, с.20]. Однако, в отличие от неоправдавшегося расчета, инициируется мотивом зависти. Точка зрения мастера Григория выражает авторскую позицию: «Каширины, брат, хоро-

шего не любят, они ему *завидуют*, а принять не могут, истребляют!» [2, с.41]. Вопрос раздела имущества становится лейтмотивом родовых отношений. Возвращение матери с Алексеем в семью деда еще более драматизирует семейный конфликт и заостряет оппозицию в системе образов свой/чужой. Слова Цыганка выражают точку зрения автора-повествователя на родовую распрю: «Ты – не Каширин, ты – Пешков, другая кровь, другое племя» [2, с.44]. Архетип рода маркируется мотивом зависти, которая как ключевое чувство взрослых продолжает свое развитие и в детских взаимоотношениях, частые беседы деда с Алешей вызывают «зависть других внуков» [2, с.21].

Отличительной чертой мироощущения М.Горького является конфликт мечты и действительности. С одной стороны, дед мечтает о крепком и дружном семействе: «Кабы семьи-то крепко жили, как пальцы на руке...» [2, с.241]. С другой стороны, именно его непримиримая позиция по отношению к собственным детям фактически приводит к гибели рода. Точка зрения бабушки с цитацией чужого слова как отсылка читателя к молению Даниила Заточника усиливает трагический разлад деда: «Всю жизнь говоришь ты эти слова, а кому от них легче? Всю жизнь *ел ты всех, как ржа железо*...» [2, с.241]. Трагический пафос гибели рода Кашириных определен личной трагедией деда и отражен в ключевых событиях его жизни: сначала восхождение — самородок, «сирота, нищей матери сын», который стал начальником, старшиной цеха, далее его нисхождение — гордость и жадность, заостренные до предела, становятся со временем причиной краха его и его семьи. Метаморфоза характера деда получает авторскую трактовку в точке зрения бабушки: «Он ведь раньше-то больно хороший был, дедушка наш, да как выдумал, что нет его умнее, с той поры и озлился и глупым стал» [2, с.158]. Обратим внимание, что мотив гордыни становится стилевой доминантой всего творчества М. Горького (например, в художественной идее пьесы «На дне», романа «Фома Гордеев», где семантика названия уже является «свернутым сюжетом»). Несмотря на критичную оценку в создании образа деда в трилогии, зрелому Горькому принадлежат слова, которые поразительно и в полной мере могли быть словами деда Каширина: «Я каторжник, который всю жизнь работал на других». Эти слова становятся названием биографической книги о Горьком В.Петелина.

Следующая черта, характеризующая род Кашириных, является сиротство: дед «сирота, нищей матери сын», бабушка «я ведь тоже *сиротой* росла, матушка моя бобылкой была», отец «бездомный *сирота*», мать и Алеша. Упрек бабушки об отсутствии жалости к сыну, «Нет не любишь ты его, не жаль тебе *сироту!*», встречает ответ Варвары: «Отстаньте мамаша, <...> Я сама на всю жизнь *сирота*». В стиле М. Горького отчуждение и сиротство получают не только конкретное, но и метафорическое звучание, и становятся причинами трагедии рода.

Стилевое своеобразие архетипа рода продолжается в нарочитой депозитизации дома, которое также объединяет «Пошехонскую старицу» и повесть «Детство».

У Салтыкова-Щедрина читаем: дома в родовом поместье Малиновец «одного типа: одноэтажные, продолговатые на манер длинных комодов. <...> В шести-семи комнатах такого четырехугольника <...> *ютилась* дворянская семья...» [6, с.41]. Перемещение семейства Затрапезных в Москву не меняет семантики Дома, комнаты названы «клетушками»: «В этом крохотном помещении, в спертый насыщенной миазмами атмосфере <...> *ютилась* дворянская семья» [6, с.228]. Расширение пространства Дома до двора продолжает мотив тесноты и оставляет его неизменным: «парадное крыльцо выходило в *тесный* и загроможденный службами двор» [6, с.228]. Родовое гнездо нарочито депозитизируется: впереди «крохотный полисадник», сбоку «небольшой пруд, который служил скотским водопоем и поражал своей неопрятностью и вонью», сзади «незатейливый огород» [6, с.42]. Ироничное, эмоционально-оценочное отношение автора экспрессивно выражает его видение дома, «в котором я родился и почти безвыездно прожил до десятилетнего возраста». Нарочитая статичность повторения тесноты в своем накоплении гиперболизируется до эпического уровня, становясь уже оценкой жизненной реальности: «большинство не умело устроиться».

Символика тесноты с негативной коннотацией имеет многоуровневое раскрытие: во-первых, теснота жизненного пространства становится аллюзией гроба, во-вторых, повтор глагола «ютились» в своем статичном накоплении выходит на эпический уровень жизненной реальности. Интересную трактовку теснота получает в трудах Св. прав. Иоанна Кронштадтского. Он цитирует отрывок послания апостола Павла «скорбь и теснота на всяку душу человека творящего злое» [Рим. 2,9] и указывает, что единственный выход для человека из скорби и тесноты, или из смерти греховной – примирение с Богом».

Домашний обиход «Пошехонской старины» четко определяет место детей во взрослом мире: «Ни елки, ни праздничных подарков, ничего такого, что предназначалось бы специально для детей, не полагалось. Дети в нашем семействе были не в авантаже» [6, с.469]. Семантическая оппозиция взрослые/дети разделяет пространство дома, где полная власть и безнаказанность первых контрастно заостряется бесправием и унижением вторых.

Еще большую драматизацию получает архетип дома в стиле М. Горького. Фактически дом закольцован мотивом смерти. Начало автобиографического повествования: «в полутёмной *тесной*

комнате» умирает отец, в финале в темном углу дедова дома умирает мать. Традиционная коннотация дома получает в стиле Горького прямо противоположную оценку. Дом становится опасным и разрушающим местом для его обитателей. Согласно биографическим фактам мать Горького Варвара умирает от туберкулеза в подвале отцовского дома Каширина в Нижнем Новгороде.

Двор у Горького неизменен и статичен – «маленький, тесный и сорный». Натурализм художника XX века воплощает трагедию смерти через параллель с образом бойни, находящейся на дворе дедова дома: «Рядом – бойня мелкого скота, почти каждое утро там мычали телята, блеяли бараны». Так, теснота жизненного пространства экспрессивно заканчивается образом бойни. Неизменность семантики смерти объединяет воедино эпический масштаб двора и камерное пространство дома, переплетая безысходность внешней и внутренней реальности. Замкнутость пространства смерти натуралистически гиперболизируется запахами: «Когда на дворе темнело, <...> в окна влезал теплый, как овчина, жирный запах гнили», «кровью пахнет так густо, что иногда мне казалось – этот запах колеблется в пыльном воздухе прозрачно-багровой сеткой» [6, с.228].

Подытожим: универсальные архетипы рода и дома получают ключевое значение в формировании мироощущения и ярко воплощаются в стиле М.Е. Салтыкова-Щедрина и М. Горького. Драматизм семейного нестроения присущ двум художникам, однако сюжетообразующие мотивы, инициирующие родовой конфликт, различны. Мотив неоправдавшегося расчета экспрессивно и иронично выражает гротеск-аномалию, противоречащий естественным отношениям в «Пошехонской старине». Мотив зависти, отчуждения и сиротства определяют гибель рода Кашириных в «Детстве» М. Горького. Взаимосвязь родовых отношений и пространства дома также ярко прослеживается у двоих художников. Нарочитая депозитизация дома реализуется в мотиве тесноты, который метафорично воплощает внутреннее состояние человека и выходит на эпический уровень оценки жизненной реальности. Таким образом, архетипы дома и рода в автобиографическом стиле М.Е. Салтыков-Щедрина и М. Горького можно рассматривать как исток становления личности и отражения дальнейших жизненных коллизий.

Литература

1. Иоанн Златоуст Святитель. Да прилепится муж к жене своей // Святитель Иоанн Златоуст о том, какой должна быть православная семья. – М.: Домострой, 2009. – 32 с.
2. Горький, М. Собрание сочинений в 30 томах. Т. XIII. – М.: Художественная литература, 1951. – 646 с.
3. Кудряшова, А.А. Теоретические основы жанра в русской автобиографической прозе. Дисс... док.филол.наук. – М., 2013. – 404 с.
4. Минералов, Ю. И. Теория художественной словесности /Ю.И. Минералов. – М.: Владос, 1999. – 358 с.
5. М.Е. Салтыков-Щедрин в портретах и иллюстрациях. – Л., 1939. — 186 с.
6. Салтыков-Щедрин, М.Е. Полное собрание сочинений в 20 т. Т. XVII. – Л.: Художественная литература, 1934. – 473 с.

A.A.Kudryashova

Moscow State Teachers Training University (MGPU)
e-mail: alekshvan@yandex.ru

Idiostylistic aspects of «home» and «kin» archetypes in autobiography-based prose by Mikhail Saltykov-Shchedrin and Maksim Gorky

Key words: autobiographical prose, archetype, kin, style.

The article analyses the idiostyles of Mikhail Saltykov-Shchedrin and Maksim Gorky. In autobiography-based prose the «home» and «kin» archetypes are of a stable nature and characterized by subline poesy. The traditional archetypes get specific stylistic implementation in «Poshehonskaya starina» and «Detstvo».

М.К. Лопачева

Санкт-Петербургский государственный институт культуры
e-mail: lopacheva03@mail.ru

УДК 316.74:[821.161.1“19”:314.743]

К ВОПРОСУ О ЖАНРЕ «ПЕТЕРБУРГСКИХ ЗИМ» ГЕОРГИЯ ИВАНОВА

Ключевые слова: эмиграция, интертекстуальность, мемуары, фельетон, Достоевский.

В статье анализируется жанровая специфика книги мемуарных очерков Георгия Иванова «Петербургские зимы». Автор указывает на созвучие ряда структурных и стилистических характеристик текста с художественными экспериментами Достоевского, что проливает свет на жанровую природу произведения Иванова, на творческую позицию писателя, а также заявляет о культурной идентичности литературной генерации, к которой принадлежал слагатель нового мифа о Петербурге.

Тяжкий опыт «пробуждения» от России в «торричеллиевой пустоте» эмиграции (Ф.Степун) сделал необходимым для русской диаспоры поиск духовной опоры, спасительной и возрождающей идеи. Многие художники и мыслители первой эмиграции таковую увидели в «петербургской